

Злодейка опера тянет к себе неудержимо!

Наверное, у каждого журналиста есть заветные блокноты, в которых время от времени появляются знаки, пометки, беглые замечания о ярких людях и событиях. У меня их за долгие годы накопилось множество. Попало лет шесть назад в мою тетрадку и имя Яны ИВАНИЛОВОЙ — участницы X Конкурса Чайковского, в то время выступавшей в составе ансамбля "Мадригал". Всего четыре слова: "Яна Иванилова — божественный тембр". Поет она много, успешно, была принята в труппу Новой Оперы, где выступала в главных партиях, участвует в престижных фестивалях в нашей стране и за рубежом. Одним словом, певица процветает... И вдруг нынешним летом во время праздника аутентичной музыки в Москве в перечне участников обнаружила имя Яны с пометкой страны, представляемой ею, — Канада. Почему? Казалось, так прочно привязана она к российской земле, к российской культуре! Не случайно же молодая певица — активный член Танеевского общества, исполнила все камерные сочинения композитора, и антология записана на компакт-диск. Танеев до сих пор — хотя есть, конечно, исключения — в основном остается "на обочине". Не скажу, что исполнять его — это подвиг, но что-то героическое в этом есть. Беседе с Яной после фестиваля в ее московской квартире.

— Почему вдруг Канада?

— Формально перемена легко объяснима и естественна. Муж работает в Канаде. У нас двое детей — солидная семья. Младшая дочь — совсем малышка (в августе исполнился годик). Так что не ради карьеры поехала — жизнь заставила.

— Как же вы расстались с Москвой, с Новой Оперой? У вас же так хорошо шли там дела...

— Мне действительно везло. Я уж не говорю о педагогах: Валентина Николаевна Левко в Гнесинской академии (которую я окончила с красным дипломом), потом полный курс аспирантуры у Нины Львовны Дорлиак — я последняя ее аспирантка. Куда уж больше! Да и потом все складывалось отлично — на Конкурсе Чайковского меня услышал Евгений Владимирович Колобов и весьма лестно оценил. Три тура прослушивания прошла в его театре и — без всяких знакомств — поступила в труппу. Естественно, счастлива была. И Евгений Владимирович сразу стал меня как-то выделять из всех вновь принятых. Вскоре доверил труднейшую заглавную партию в опере Доницетти "Мария Стюарт".

— Я считаю, что "Мария Стюарт" — один из самых хороших спектаклей Новой Оперы: красивый, волнующий, драматичный. Подлинная опера и подлинная музыка.

— Ну насчет подлинности музыки не совсем так: маэстро, как всегда, довольно усердно "поколдовал" над партитурой, сделал купюры, но получилось все прекрасно: красивая музыка, красивые костюмы и оформление сцены, красивые чувства. Признаться, поначалу я очень боялась этой партии: она предельно трудная, "возрастная".

— Почему "возрастная"? Героиня совсем молодая.

— Под словом "возрастная" я подразумеваю не возраст героини, а профессиональный опыт, необходимый исполнительнице этой партии: в тексте — четыре до и восемь ми бемоль 3-й октавы — это, безусловно, трудно. И необходимая абсолютная уверенность в своих силах и возможностях. Я уж не говорю о том, что по замыслу режиссера первая Каватина Марии Стюарт исполняется после перебежки по сцене, значит, без отлично отработанного дыхания певица ничего не может сделать. И еще одна, пусть более мелкая деталь, но, как мне кажется, крайне существенная: за пультом стоял не сам Колобов, у которого баланс между оркестром и певцом всегда уравновешен, а второй дирижер — Самойлов. У него оркестр так гремит, что очень трудно бороться к слушателям. Я как-то спросила его: "Почему же вы не заботитесь о балансе и певцы вынуждены предельно напрягаться, перекрикивая оркестр?" Ответ маэстро меня просто сразил: "Я же вам говорю — не обращайтесь на меня внимания". Неплохо, правда? "Глаза б мои тебя не видели" — так что ли получается?

Откровенно говоря, за годы, проведенные в труппе, я твердо убедилась, что единственный, кто может что-то делать и чего-то добиваться, достигая художественных высот, —

Дидона в "Дидоне и Энее" Перселла. Это был наш молодежный спектакль. Самостоятельно работали над ним. Сами придумали, как поставить, сами осуществили, были очень увлечены. А вот от "Травиаты" я решительно отказалась, к полному удивлению маэстро. Не могу с траговкой, предложенной Аллой Сигаловой, согласиться. По-моему, если даже вынести за скобки духовный мир Верди, зрительный ряд и музыкальная образность совершенно не совпадают, спорят друг с другом. Я не ханжа, но я против того, чтобы переходить грани дозволенного и тянуть в оперный театр, простите меня, пошлость, чтобы будоражить зрителей. Будоражить должна музыка — уметь только хорошо ее исполнить.

— Вы умеете, по-моему, это очевидно. К тому же есть у вас редкое по нынешним временам качество — самоотдача. Что бы вы ни пели, складывается впечатление, что ничего, кроме музыки, больше для вас уже не существу-

Я.Иванилова

это, конечно, Евгений Владимирович. Хотя и его супруга, Наталья Попович, — очень хороший музыкант, талантливейший хормейстер, но какие-то не оперные и вообще не художественные, не творческие проблемы мешают ей порой по-настоящему развернуться.

У меня с Колобовым были очень крепкие творческие контакты, он внимательно, бережно ко мне относился. Я получала просто наслаждение от репетиций с ним, потому что, поступив в театр, еще ничего не умела, не была еще оперной певицей, и он очень много для меня сделал, поверил в меня, мои силы, возможности. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго оберегают своих подопечных от контактов с "посторонними". Как "крепостные" все мы у них. И другого чего — ни-ни. Все только в своем коллективе и для своего коллектива. У Евгения Владимировича ревностное чувство, по-моему, весьма обострено. Смотрите, как легко он "расправляется" со своей труппой. Чуть что — отпускает, а то и убирает из коллектива.

— А как получилось с вами? Только ли работа мужа в Канаде стала причиной вашего отъезда?

— Вообще это была не очень понятная история. Охлаждение началось после второго года пребывания в театре, когда меня пригласили на стажировку в Вену (я там занималась у профессора Ингеборг Вамзер как участница группы "Новые имена"). Разрешение в театре на эту поездку я не получила, и как-то постепенно отношение ко мне стало меняться. Репетировала ведущие партии (в операх "Валли", "Евгений Онегин"), но в составы участников этих спектаклей меня не включали.

— Последняя ваша премьера у Колобова?

ет. Пребываете, так сказать, с музыкой наедине.

— Вы знаете, когда я выхожу на сцену, мне почему-то начинает казаться, что пою последний раз, что больше такое счастье не выпадет никогда, выкладываюсь, что называется, до дна. Впрочем, "воплого-са" не умею петь вовсе, ни на спектакле, ни на репетиции.

— А чем вы занимаетесь в Канаде? Помимо театра, вы немалую дань отдавали камерной музыке. Есть ли возможность реализовать себя в другой стране?

— Что касается творчества, я, конечно, им не поступилась. Возможностей было не так уж много: ждала ребенка, родила, выхаживала его, однако не упускала ни одной представлявшейся возможности давать концерты. Получила в Торонто ангажемент в местном филармоническом оркестре и исполняла с ним камерный репертуар, включая старинную музыку. Мне крайне повезло: я обрела в Канаде изумительного педагога (и изумительного человека) — Марию Деберни. С ней на редкость интересно, приятно и полезно общаться. В театр пока не обращалась, даже не показывалась там: хочу основательно позаниматься с педагогом и прийти во всеоружии. У меня остаются проекты Академии старинной музыки в Москве. Связана я прочно и с фестивалем аутентичного искусства — "Московским действием", с ансамблем "Лад" и "Орфарион". Мне интересны и старина, и современность, люблю и оперу, и камерную музыку. Конечно, легче было бы обойтись без оперы, но она, злодейка, тянет к себе неудержимо! Так что вновь рискну попробовать.

Беседу вела
Мариам ИГНАТЬЕВА